

НА ГРАНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мари Вейл

Мэри Вейл

На грани

«Автор»

2026

Вейл М.

На грани / М. Вейл — «Автор», 2026

Джулия Эванс не влюбляется. Не читает эротику. И не пускает мужчин дальше прихожей. У неё есть Дэвид — удобный партнёр без обязательств. Есть цель — повышение до генерального директора. И есть правило: не смешивать работу и личное. Но появляется Томас Райт. Автор, который пишет только 18+. Наглый. Самоуверенный. Невыносимый. И он ставит условие: редактировать его рукопись будет только она. Она соглашается. Ради повышения. Ради книги. Ради чего угодно, только не ради него. Встречи наедине. Правки, которые заставляют краснеть. И сообщение, от которого она перестаёт дышать: «Спокойной ночи, Джулия». Она не хотела нарушать правила. Он не хотел влюбляться. Никто из них не сумел сдержать слово.

© Вейл М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Джулия	5
Томас	10
Джулия	13
Томас	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мэри Вейл

На грани

Джулия

Стук клавиш на ноутбуке, треск полыхающих поленьев в камине, тихая музыка на фоне. Звуки плавно заполняли пространство вокруг меня. Шел третий час, как я редактировала задачи для моего отдела, которые предстояло разобрать завтра на всеобщем собрании.

Глаза уже жгло от обилия строчек, кофе не помогало, а рот почти порвался, зевая каждые две минуты, время явно перевалило за 11 ночи. Когда работа была почти закончена, нажав «сохранить», на телефон пришло сообщение. Малика Джудс, мой ассистент. На экране крупным шрифтом высветилось уведомление:

«ТЫ УЖЕ ВИДЕЛА ЭТО!?» – рядом с вопросом была прикреплена ссылка, зайдя, я увидела текстовый вариант книги от уже знакомого мне автора. Томас Райт. 32-летняя восходящая звезда, кумир женщин и девушек всех возрастов. Почти полтора миллиона подписчиков. Издавался лишь дважды за последние два года, хотя написал гораздо больше.

Я не читала его книг. Как главный редактор «Ориона», я сознательно обходила эротику стороной — наша политика ближе к интеллектуальной прозе, к историям, где страсть остаётся между строк. Так что дарк и эро романы всегда шли мимо меня, смысл тратить время на то, чего не понимаешь?

«Нет, но знаю, кто это.» - ответ не заставил себя ждать.

«Ты обязана это прочитать! Было так горячо, что мне захотелось схватиться за вибратор.» - на последних словах мое лицо сморщилось, как курага. Не хватало мне еще засыпать с мыслью о Малике и ее вибраторе.

Ничего не ответив, я снова открыла ссылку и решила пробежаться между строк, чтобы понять, что же зацепило моего ассистента.

Моргнув пару раз, смотрю на время. Час ночи. Пульс стучит, сердце жаждет продолжить читать.

На середине рукописи даже соски начали вставать от такого откровенного текста и яркого описания. Три часа ночи.

К пяти утра я уже не была собой. Волосы — спутанные, потому что я запускала в них пальцы десятки раз. Губы прикушены до металлического привкуса. Дыхание сбитое — не от бега, нет. Я сидела на диване неподвижно последние три, пять часов? Тело вело себя так, будто я сама стала героиней этих сцен. Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт. Кажется, я поняла, о чем говорила Малика.

Ложиться было уже бесполезно. Вставать через час.

Подойдя к зеркалу, я увидела женщину, которую не узнавала. Растрёпанные волосы, серые глаза с расширенными зрачками, румянец, который не смыть водой. И губы — припухшие, хотя их никто не целовал. Только текст. Только грёбанный текст Томаса Райта.

«Ты редактор, Джулия», — сказала я своему отражению. Оно не послушалось. Оно улыбалось. Душ, мне точно поможет душ.

Полчаса я отмывалась от влияния рукописи Томаса Райта. Но одна мысль упрямо не желала выходить из головы: он нужен мне. Нужен издательству. Если мы заключим контракт и выпустим его книгу, я наконец получу повышение — пост заместителя генерального директора. Да, это противоречит моим стандартам. Да, я всегда говорила, что не работаю с рейтингом 18+. Но этот шедевр ломал об колено все мои нравственные устои. И мне, как ни странно, это нравилось.

Приняв душ, я присела на кухонный остров с чашкой черного кофе. Время показывало 06:01.

Звонок. Гудок. Второй. На третьем — сонное, почти нечленораздельное:

«Джулия ты в курсе, который час?»

«Мне нужен Томас Райт» — я проигнорировала её вопрос. Мы обе знали: если я звоню в такое время, значит, дело не терпит.

«Он всем нам нужен, сверху, сзади и внутри» - Я закатила глаза. И — будь я честнее с собой — улыбнулась. Малика умела разряжать даже самые неудобные моменты. Или создавать их.

«Малика, он мне нужен в офисе и срочно, это важно».

«Когда?» - голос Малики начинал обретать осмысленные ноты.

«Сегодня.»

Она хотела что-то сказать — про то, что это нереально, что так не бывает, что я сошла с ума. Я сбросила звонок. Малика прогрызет землю зубами, если понадобится. Я в ней уверена.

Допила кофе, поставила кружку в раковину. В окне — мой силуэт и первые рыжие проблески рассвета. Через три часа он войдёт в мой кабинет. Автор. Тот самый. Который заставил моё тело откликнуться на слова и начать читать то, что я обещала себе всегда пропускать мимо.

Из кухни — в спальню. До выхода оставалось 45 минут. Волосы ещё мокрые, но долго им не гулять. Стягиваю в высокий хвост — туго, чтобы ни одна медово-шатеновая прядь не выбилась. Никакого «случайного» беспорядка.

Круги под серыми глазами тональным — замазать следы бессонницы. Тушь один слой, ресницы обозначить, не больше. А вот помаду я выбираю долго. «Скучную» телесную отодвигаю в сторону. Беру ту, что называют «вишнёвым грехом». Тёмную, сочную, почти неприличную для переговоров. Наносу в два слоя.

Костюм или платье? Костюм отпадает — слишком похоронно. Беру тёмно-бордовое, трикотажное, как вторая кожа. Вырез v-образный, юбка чуть выше колена. Зеркало одобряет: грудь и талия на месте, бёдра круглые. Я это знаю. Платье — тоже.

На ногах чёрные лодочки, двенадцать сантиметров. Мой рост 175 — с ними почти 187.

Духи на запястья, на шею, за уши. Кедр, ваниль, чёрный перец. Тепло и глубина. Ни грамма цветочной сладости.

Хвост. Шпильки. Платье. Парфюм.

В зеркале — главный редактор «Ориона». Можно выходить.

Сев в свою малышку — Audi A5 Sportback цвета тёмно-серый металлик, я на секунду замерла. Чёрный кожаный салон, запах нового авто, брелок-леденец на зеркале. Моя маленькая мечта, на которую я упорно копила весь прошлый год. Рев мотора отозвался где-то внутри меня. Мне кажется, я никогда не привыкну к этому чувству.

Впереди полчаса дороги и я собираюсь приехать в офис вовремя. Выкрутив громкость на максимум, я нажала педаль газа и двинулась по направлению в город.

Офис встретил меня бурлящей жизнью, все улыбались, пили кофе, рассказывали друг другу новости, накопившиеся за выходные. Коллеги кивали в знак приветствия, я же шла к кабинету с легкой улыбкой, стараясь не показывать, как сильно бы сейчас мне не помешала подушка.

Схватив за ручку двери, ведущей в мой кабинет, услышала сзади топот, разлетающийся эхом по коридору. Я узнаю его из тысячи.

Обернулась. Малика стоит, запыхавшаяся, упираясь ладонями в колени.

«Доброе утро, Джул».

«Отдышись. Потом говори».

«Я я сделала».

«Что именно?»

«Томас Райт будет здесь через час».

Сердце пропустило удар. Улыбка расплзлась по лицу раньше, чем я успела её спрятать. На эмоциях я стиснула Малику в объятиях. Она обняла в ответ, но отстранилась первая:

«Знаю тебя три года. Такую реакцию на обычного автора вижу впервые. Кто ты такая и куда дела Джулию?»

Я неловко улыбнулась.

«Я её съела».

И скрылась за дверью кабинета.

Помещение встретило меня знакомым привычным запахом цитрусовых и сандала. Я окинула взглядом полки шкафов, стол с ноутбуком — и остановилась на кожаном чёрном диване. Он манил сильнее, чем кровать дома час назад.

подавив желание рухнуть на диван, я подошла к столу. Сев в самое удобное на свете кресло, я покружилась на нем словно ребенок. Остановившись взглядом на вид из панорамных окон, замерла, как практически каждый день, сколько себя помню, работая здесь. Нью-Йорк был огромным живым организмом, где все твои проблемы просто испарялись на фоне того масштаба, что происходил вокруг. Чувствую себя букашкой, когда смотрю на город с высоты в 54 этажа.

Включив ноутбук, я поняла, что у меня критически мало времени до встречи с Томасом Райтом, и мне необходимо немало успеть, поэтому через минуту я уже направила все свои мозговые процессы на то, что находилось на небольшом экранчике прямо передо мной. Сколько там времени, 9:06? Пф, успею.

Ровно в 10:00 раздался стук. Я дёрнулась — сама от себя не ожидала. Поправила хвост, одёрнула платье, хотя оно сидело идеально.

«Войдите».

Дверь открылась.

И он вошёл.

Высокий. Чёрт, какой он высокий. Я задрала голову, и первое, что увидела — волосы. Тёмные, чуть выше плеч, влажные, будто он только вышел из душа или попал под дождь. Одна прядь упала на лоб, почти закрыла глаз. Он не убрал.

Его карие глаза смотрели спокойно, даже лениво. Тело было расслаблено лишь на первый взгляд, но напряжение читалось по желвакам, ходящим по шее.

Обведя его взглядом полностью, у меня по рукам пошли мурашки. Одежда простая: футболка, джинсы, кеды. Но сам рельеф, который очерчивала ткань, оставлял во рту лишь Сахару. Пришлось сглотнуть. Руку покрывала тату, продолжение которой уходило под рукав. Что там — не разглядеть.

— Джулия? — его голос был ниже, чем я ожидала. С хрипотцой. Будто только что проснулся или не разговаривал несколько часов.

Я поняла, что смотрю на него уже слишком долго. Профессиональная улыбка приклеилась к лицу, но внутри всё сжалось. Он не просто вошёл. Он заполнил собой весь кабинет.

— Присаживайтесь, — я кивнула на стул напротив, стараясь говорить ровно. — Кофе? Чай? Или, может быть, Вы предпочитаете воду?

Он не сел. Прошёлся вдоль стеллажа, провёл пальцами по корешкам книг. Татуировка на предплечье сверкнула при свете. Это крыло?

- Нет, спасибо, может перейдем сразу к делу? — никто и не говорил, что с ним будет легко.

- Меня зовут Джулия Эванс, я – главный редактор издательства «Орион». Мой ассистент связался с Вами утром.

- Да, я в курсе. Конкретнее. – Перебивать вообще-то не очень вежливо. Стараясь спрятать недовольство, я лишь сильнее улыбнулась.

- Мы предлагаем выпустить Вашу книгу от имени нашего издательства, как Вы, наверное, уже поняли. Все авторы работают с «Орион» на одних и тех же условиях, вот, - протянув ему кипу бумаг, я продолжила, - можете ознакомиться. Если есть то, что не нравится –, мы сможем это обсудить.

Лениво взяв бумаги, он принялся их читать, я лишь нервно покачивала ногой под столом. Мне казалось, все будет менее напряженно. Но, видимо, удача сегодня, как и мой сон – не для меня.

Спустя пол минуты он поднял на меня взгляд, это что, озорные огоньки в его глазах? Он улыбнулся, а по спине пробежал холодок. Его взгляд создавал ощущение, будто я лань, что не может убежать от гепарда. Он вообще хоть что-то успел прочитать?

- У меня есть два условия и один вопрос. Первое условие. Редактирование рукописи должно происходить в домашней обстановке, я не переносу офисы, а кафе и рестораны слишком шумные, чтобы там можно было сосредоточиться. – я думала, будет что-то ужасное, но условие вполне выполнимо, это обычная практика.

- Хорошо, это не проблема. – облегчение явно почувствовалось в моей интонации.

- Кто будет заниматься редактированием моей рукописи?

- Под моим началом обширный состав лучших специалистов, я лично отберу

- Вы. – Кто-нибудь, научите его дослушивать собеседника.

- Что, простите? – я, наверно, от удивления выглядела как рыба, выброшенная на берег.

- Моим вторым условием будете Вы, Джулия.

- При всем уважении, я являюсь главным редактором фирмы и у меня несколько другие обязанности на данной должности.

- Ну редактировать-то Вы умеете? – его вопрос меня оскорбил, я уже готова была запустить в него степлер.

- Конечно.

- Тогда и порешали. Очень рад с Вами познакомиться, надеюсь на плодотворное сотрудничество. – Он с обворожительной улыбкой протянул мне руку для пожатия.

Я хотела возразить. Но он уже протягивал руку, и моя, предав меня, легла в его ладонь. Наклонившись ко мне, он почти прошептал:

- Можем ли мы обращаться друг к другу на «ты»? Как никак, в течение пары месяцев мы станем настолько близки, что лучшие друзья смогут нам позавидовать.

Я смогла лишь кивнуть. Стоя на месте, как статуя, я не знала ни что сказать, ни как отреагировать. Он подошёл вплотную, коснулся тыльной стороны моей руки, взял визитку, улыбнулся и перед самым выходом сказал:

- Я тебе напишу, Джулия. – и закрыл за собой дверь. Я рухнула в кресло. Злость наконец начала застилать растерянность.

Дверь распахнулась. Малика влетела с двумя чашками черного кофе, она каким-то образом всегда знает, когда он мне нужен.

-Ну?! – ее глаза сияют как новогодняя гирлянда.

- Он странный.

- Джул, - она только что закатила глаза?! – он писатель, это искусство, они там все странные, тебе ли не знать.

- Малика, он хочет, чтобы я редактировала лично его рукопись.

- Что?! И ты согласилась? – у этой девушки глаза скоро из орбит выйдут.

— Я не успела отказаться.

Малика уставилась на меня. Потом медленно улыбнулась.

— То есть он тебя просто развёл. За одну встречу. Ты, которая любого автора в бараний рог скрутит.

— Он протянул руку. Моя рука сама

— Молчи. — Малика подняла ладонь. — Не позорься.

Она взяла свою чашку, направилась к двери и на пороге обернулась.

— В общем, поздравляю. Ты теперь личный редактор татуированного наглеца. И, Джул? В следующий раз хотя бы договор сначала дай ему подписать. А потом уже руки пожимай. А то так и до свадьбы недалеко.

Она выскользнула за дверь.

Я осталась одна. Через час он не написал. Я проверила. Один раз.

Томас

Кафель. Секретарь. Кнопка. Двери лифта. Я спасён.

Захожу внутрь, нажимаю свой этаж и выдыхаю — судорожно, рвано, будто только что вынырнул из ледяной воды.

Я вёл себя как мудака? *Я вёл себя как мудака.*

Молодец, Томас. Отличное первое впечатление. Теперь она думает, что я или псих, или придурок, или (самый страшный вариант) и то и другое сразу.

Да, мои книги выходили раньше. Но всегда в маленьких, частных издательствах, где редакторам было плевать. Главное — подписать, отредактировать кое-как и забыть. Личные встречи? «Извините, я занят». Я смирился. Но тогда я решил: больше никаких «занятых». Либо нормальная работа, либо никакой.

А потом позвонила Малика. «Орион». Я не поверил. Думал, розыгрыш. Сейчас кто-то выскочит из-за угла с хлопушкой и гаркнет: «Братец, проснись!». Но никто не выскочил.

Я приехал. Милая девушка проводила меня до двери. Я постучал — один раз, еле слышно. Голос за дверью сказал: «Войдите». Я дёрнул ручку, не давая себе времени передумать. И охринел.

«Джулия?» — я что, сказал это вслух? Кажется, да. Потому что она посмотрела на меня так, будто я только что признался в чём-то неприличном.

Тело оцепенело. В груди завибрировало.

Она *нереальная*. Серые глаза цепкие, как крючки. Волосы в тугой хвост — ни одной выбившейся пряди. И платье. Это платье. Я забыл, зачем пришёл. Забыл, как меня зовут. Забыл, как дышать.

Она встала и что-то сказала. Я услышал только конец фразы и свой пульс. Мои глаза принялись блуждать по её фигуре с такой жадностью, будто я голодал месяц. Запретите законом носить такие платья. Хотя нет. Не надо. Как я тогда буду любоваться?

Томас, тебе давно не восемнадцать. Перестань течь по первой встречной. Она редактор, а не иллюстрация к твоей фантазии. Но чёрт меня дери, если она не самое красивое, что я видел в этой жизни. А я видел Париж на рассвете.

Заметив книги у нее на полках, я внутренне почувствовал необходимость просмотреть их всех и коснуться хотя бы корешков. Я ожидал увидеть стандартный набор: свежие бестселлеры, мемуары знаменитостей, пару сборников деловой литературы. Всё чинно, благородно, скучно.

Но там было нечто другое.

Бродский. Ахматова. Серебряный век — целая полка. Рядом — Памук, Исигуро, Тони Моррисон. Дальше Кортасар, Борхес, Маркес. И вдруг — Донна Тартт, «Щегол». Зачитанный экземпляр, с загнутыми страницами. На нижней полке — Олди, Лукьяненко, Урсула Ле Гуин. Фантастика вперемешку с классикой. В углу — потрёпанный томик Шекспира на английском.

Я замер. Она читает не для галочки. Она читает с душой.

Я украдкой посмотрел на неё. Такая женщина не станет редактировать мою книгу по шаблону. Она либо разорвёт её в клочья, либо сделает бестселлером. Почему-то второй вариант пугал меня больше.

Я выпал из реальности. Когда вернулся — она уже спрашивала про чай. Или кофе. Или воду. Какая разница.

- Нет, спасибо, может перейдем сразу к делу. — господи, что ты несешь? Так, стоп, а я вообще поздоровался?

Дальше из моего рта вылетали какие-то полугрубости и короткие ответы. Я сам себя не узнавал. Когда нервозность достигла пика, а мысли окончательно перепутались, я выдал то, что навсегда закрепило за мной титул «мудака года».

- Моим вторым условием будете Вы, Джулия. — чувак, совсем что ли сперма в мозг ударила?

Но если моё условие стало шоком даже для меня, то её согласие и рукопожатие оказались взрывом где-то внутри грудной клетки. Я видел, как натянуто она улыбается, но гадал: почему Джулия до сих пор не вышвырнула меня вон? Если попрошу номер — она пошлёт сразу или сначала кинет в меня что-нибудь?

Ладно. Раз облажался, можно больше не переживать — хуже уже не станет.

Я подошёл почти вплотную, взял со стола визитку и случайно коснулся её руки. Ощущение — будто несколькими молниями ударило сразу.

— Я тебе напишу, Джулия.

Я буду удивлён, если у неё не закатились глаза после этой фразы. Потому что мои — мысленно — закатились. Спешно покинув её кабинет, хотелось только одного — быстрее оказаться на воздухе.

Я вылетел на улицу, будто из горящего здания.

Холодный воздух ударил в лицо. Сделав несколько шагов, остановился, упёрся руками в колени и просто дышал. В груди всё ещё колотилось где-то у горла.

— Ты идиот, — сказал я вслух. Прохожий в костюме покосился на меня и ускорился. Правильно сделал.

Дойдя до машины, сел за руль, но не заводил. Просто сидел и смотрел в никуда. Телефон завибрировал в кармане джинсов.

Я резко выхватил его. Джулия? Господи, у неё же нет моего номера. Конечно нет. Я — кретин.

Экран высветил: Отец. Я хотел нажать «отбой», но всё-таки принял вызов.

— Слушаю.

— Томас. Ты где? — голос отца — сухой, деловой, без единой капли тепла.

— В городе. По работе.

— Опять со своими книжками?

— Да, с ними.

— Брось это, Томас. Серьёзно. Ты не писатель. Ты — мой сын. У нас бизнес. Маркус один не тянет. Приезжай, разберётесь, хватит играть в свои игры.

Я зажмурился. Сжал руль так, что побелели костяшки.

— Я уже всё сказал, отец. Я не вернусь. Это не «игры», это моя жизнь.

— Жизнь — это когда приносишь пользу. А не когда сочиняешь сказки для баб. Ты ведь этого хочешь? Чтобы тебя воспринимали всерьёз? Так займись делом.

Я сбросил звонок. Не попрощавшись. Потому что если бы продолжил слушать, то либо разбил телефон, либо сказал то, о чём потом жалел бы всю жизнь.

Заведя мотор, вжал педаль газа почти до упора. Шины взвизгнули по асфальту. Город за окном превратился в размытые полосы огней. Скорость всегда помогала не думать.

Я не помнил, как доехал. Светофоры, повороты, пробки — всё слилось в одну серую полосу. Очнулся только когда заглушил мотор у своего дома.

Кирпичный фасад. Высокие окна. Моя крепость.

Я вылез из машины, захлопнул дверь и, не оглядываясь, пошёл к входной двери. Ключи звякнули о подставку в прихожей — я бросил их не глядя. Скинул кеды, прошёлся босиком по холодному полу. В гостиной полумрак — шторы ещё задёрнуты с утра. Диван, стопка книг на журнальном столике, стена с гитарой, на которой я так и не научился играть. Всё на своих местах. Ничего не изменилось.

Я принял душ. Долго стоял под горячей водой, уперевшись ладонями в плитку. Потом переоделся в домашнее — серые треники и мягкую футболку с длинным рукавом. На кухне сделал себе капучино. Храни Господь такие изобретения, как кофемашина.

Я взял телефон. Открыл диалог с ней. Номер я успел забыть с её же визитки — той самой, что взял со стола перед уходом. Набрал. Стер. Набрал снова. Снова стер. В итоге пальцы сами напечатали:

«Привет. Это Томас. К тебе или ко мне?»

Отправил. И охринел.

Я просто хотел спросить, где удобнее встретиться для правок. У неё или у меня. Нейтральный вопрос. А получилось чёрт знает что. К тебе или ко мне. Без контекста. Без «для работы». Звучит так, будто я

Я уставился в экран, ожидая, что она сейчас напишет что-нибудь едкое. Или вообще ничего не напишет. И правильно сделает.

Телефон завибрировал.

«Тебе еще стоит поработать над формулировками вопросов. Работаем у тебя, у меня гостит подруга. Через два дня. В 18. Устроит?»

Я выдохнул.

«Устроит. У меня. Через два дня. В 18».

Пауза. Потом ещё одно сообщение.

«И, Томас. Завтра заедешь ко мне в офис? Кое-кто не подписал контракт и быстро сбежал из кабинета».

Я хмыкнул. Попался.

«Заеду. Во сколько?»

«К обеду. Я напишу».

«Хорошо. До завтра».

«До завтра».

Я отложил телефон. Сделал глоток капучино — он уже остыл.

Завтра я снова увижу ее. Она будет сидеть за своим столом, том самом платье или в другом. Но снова с этим хвостом и потрясающими глазами.

Я закрыл свои и откинулся в кресле. Тишина в доме. Только часы тикают где-то на кухне.

Так, значит, она придёт. В мою квартиру. Будет сидеть на моём диване, дотрагиваться до моих книг. Возможно, улыбнётся. Или нет. Скорее всего, нет.

Я улыбнулся собственным мыслям, как дурак. Потом встал, отнёс кружку в раковину и подошёл к окну. За окном горел Нью-Йорк. Миллионы огней. Миллионы людей. И одна женщина, которая заставила моё сердце биться чаще от одного только сообщения.

«Ты влип, Райт», — сказал я своему отражению в стекле. Оно не спорило. И, кажется, было довольно.

Джулия

— Он сказал: «Это же просто секс, чего ты боишься?» — Кэсси отхлебнула вино и мечтательно закатила глаза. — Я ему: «Того, что твоя мама увидит мое лицо в рекомендациях, когда будет листать порнуху по средам». Он обиделся. Представляешь?

Я поперхнулась.

— Ты не могла придумать что-то повежливее?

— Это было вежливо. Я могла сказать, что его мама заслуживает лучшего контента.

Мы рассмеялись, и я подлила нам обеим — белое полусладкое, холодное, чуть терпкое. Кэсси пьет его литрами и не пьянеет, а у меня уже второй бокал, и в голове приятный туман.

С Кэсси мы познакомились в колледже — она влетела в мою общажную комнату с криком «привет, я Кэсси, в соседнем корпусе тусовка, там будет бесплатное пиво, пошли со мной?» и с тех пор я не знаю, что бы без нее делала. Эта сексуальная, миниатюрная, но все равно длинноногая голубоглазая блондинка с шикарной длиной волос просто уничтожила мою повседневность, после знакомства с ней, мне уже никогда не было скучно.

Она приехала ко мне на две недели, и, к сожалению, время нас не щадило. Оставалось всего четыре дня до отлёта Кэсси. За всё время, что она гостила, мы обсудили всех ее парней, начальницу-дьяволицу (Кэсси работала косметологом в салоне) и даже криворукого парикмахера. Я, в свою очередь, поделилась своим новым проектом — рукописью Томаса Райта. Кэсси не особо тяготеет к литературе, но иногда читает книги по моим рекомендациям. В этот раз она тоже обещала обязательно прочитать книгу, как только та поступит в продажу.

10 вечера. Пятница. Все новости мира были обсуждены. Почти. Кэсси отставила бокал и посмотрела на меня с прищуром. — Ты ездилa домой. Как прошло?

Дом. Когда слышу это слово, сердце всегда пропускает удар. Семь лет назад у меня был дом, куда я могла вернуться в любой момент. Но судьба решила иначе — забрала моих родителей. Автокатастрофа. Теоретически дом всё ещё стоит, но без них это слово потеряло всякий смысл.

— Навела порядок в доме и на участке. На могилах цветы поменяла. — я сделала паузу, крутя бокал в руках. — Знаешь, иногда ловлю себя на мысли: вот сейчас бы позвонить маме. Не за советом даже. Просто сказать: «Привет, я тут». А она бы начала рассказывать, что они с папой купили в магазине — какой-то дурацкий торт или ещё одну кружку с котами, хотя их уже целый шкаф. Папа бы влез с комментарием про соседа, который опять купил никуда не годную машину. Они бы перебивали друг друга, смеялись. А я бы просто слушала. Молчала и слушала. Не ради новостей. Просто чтобы знать, что они есть.

Кэсси молчит секунду, потом накрывает мою ладонь своей.

— Они бы тобой гордились, Джул. Это я знаю точно.

Я улыбнулась, ведь это единственное, что мне теперь оставалось.

Телефон на журнальном столике коротко завибрировал. Я скользнула взглядом по экрану.

«Привет. Это Томас. К тебе или ко мне?»

Я моргнула. Что за бред? Перечитала. Потом поняла, что он имел в виду — просто спросил про встречу. Но сформулировал так, что хоть стой, хоть падай.

— Кто там? — Кэсси потянулась к телефону, но я перевернула его экраном вниз.

— Никто, просто по работе.

— Работа заставляет тебя фыркать?

— Я не фыркаю.

— Ты фыркнула и покраснела, — Кэсси ухмыльнулась. — Хочу такую же работу.

— Отстань.

Я взяла телефон и быстро набрав текст, отправила сообщение. Ответ пришёл почти сразу. «Устроит. У меня. Через два дня. В 18».

Наспех ответив, я отложила телефон. Но он снова завибрировал, и, черт его побери, я слишком резко его схватила обратно, чтобы это не укрылось от глаз Кэсси, однако вопросов она не задавала, просто посмотрела на меня, на телефон, потом снова на меня — и едва заметно улыбнулась.

— Что? — спросила я.

— Ничего, — она сделала глоток, пряча улыбку в бокале. — Просто ты сегодня какая-то другая.

— Это вино.

— Ага. Вино, которое заставляет тебя хвататься за телефон, как будто от этого зависит судьба мироздания.

Я ничего не ответила, потому что крыть было нечем. Кэсси допила бокал, потянулась и встала.

— Ладно, я спать. А ты не сиди слишком долго. Завтра рано вставать.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Джул. — Она остановилась в дверях и обернулась. Улыбнулась своей хитрой улыбкой, от которой у меня всегда бегут мурашки по коже. — И передай своему «просто по работе»: пусть потренируется над формулировками. А то звучит так, будто он не на деловую встречу приглашает, а присесть на его член.

Она подмигнула и скрылась в ванной.

Я закатила глаза, но про себя усмехнулась. Взяла телефон и перечитала его первое сообщение. И снова фыркнула. Ладно. Кэсси права. Над формулировками ему действительно стоит поработать.

Выходные пролетели с бешеной скоростью: мы с Кэсси посетили три ресторана, пять торговых центров и где-то пять миллионов бутиков. Она отчаянно жаждала потратить все свои деньги, а я, видимо, вместе с ней. Пакеты не помещались в багажник, пришлось часть покупок класть в салон. Забавно: десять лет назад у нас не было денег даже на билет на автобус, а теперь мы не проверяем баланс карты после шоппинга. В этом мы точно преуспели.

Вечер воскресенья я провела за ноутбуком — работа начиналась только завтра, но завалы пришлось разбирать уже сегодня. За два дня моего отсутствия в онлайне пришло больше двадцати сообщений с просьбами подсказать или проверить отчёты. Похоже, сегодня я тоже не лягу рано.

Спустя несколько часов позвоночник взмолил о пощаде, и я поплелась на кухню заварить чай. В этот момент зазвонил телефон. Дэвид.

Это мой хм, а кто? Парень? Но мы не встречаемся. Любовник? Звучит так, будто я кому-то изменяю. Только у меня никого нет. Пусть будет партнёр. Да, партнёр — звучит ровно.

Мы познакомились пару лет назад на закрытой вечеринке в честь юбилея «Ориона». Туда пригласили партнёров из типографии «ГрейГриф», генеральным директором которой оказался Дэвид. Мероприятие проходило в элитном отеле «Хантер». Мы напились, уединились в номере и пару часов превращали кислород в углекислый газ. Он был хорош. Я была уверена, что утром Дэвид исчезнет прежде, чем я открою глаза, но ошиблась: он принёс кофе и круассаны.

Мы пообщались. Он оказался неплохим парнем. Но чувств — бабочек или того, что там появляется у влюблённых, — я не испытала ни тогда, ни сейчас, спустя два года. Наш секс ему тоже понравился, поэтому раз в месяц мы встречаемся и утоляем голод. Это удобно: партнёр постоянный, нет необходимости в свиданиях и отношениях. Ему это удобно по каким-то своим причинам, я не спрашивала. Мне повезло — пусть везёт и дальше.

Серьёзных отношений у меня не было. Не в том смысле, что я монашка и жду принца, — секс появился в моей жизни с шестнадцати. Я просто не влюблялась и не понимала смысла отношений. Наблюдая за разбитыми сердцами знакомых, я сделала вывод: любовь — это больно. А мой болевой порог нещадно высок, так что к чёрту все эти чувства.

Кэсси с разбитым сердцем не стала исключением — за её страданиями было наблюдать тяжелее всего, но мы пережили и это. Теперь каждая из нас думает, прежде чем начать слепо кому-то доверять.

Пока я размышляла, телефон перестал звонить, а затем снова засветился: «Дэв». Я взяла трубку.

— Привет, — голос Дэвида звучал с лёгкой хрипотцой, будто он только проснулся. — Ты чего трубку не берёшь? Я уж думал, ты умерла от переработок в офисе.

Я хмыкнула, прислонив телефон к плечу, и открыла полку с чашками, задев сразу несколько, они громко звякнули.

— Привет. Если бы умерла, ты бы узнал одним из первых. — Я взяла чашку с розовым пони. — Просто была занята.

— Слышу. Пьешь вино или чай?

— Второе.

— А я вот простыл. Слышишь?

— Слышу, — без интереса ответила я, сосредоточив все внимание на выборе заварки. — Лечись.

На его фоне послышался кашель. Женский. Тихий, приглушённый, будто его специально старались скрыть. Я замерла. Он тоже. На секунду повисла пауза.

— У тебя гости? — спросила я ровно.

— Нет. Телевизор. — Он кашлянул уже сам, слишком громко. — Фоновый шум.

Я пожала плечами. В конце концов, это не моё дело.

— А, — сказала я и снова уставилась на кружку.

Он усмехнулся, низко и чуть хрипло.

— Соскучился, — сказал он просто.

Я поморщилась. Не от того, что он это сказал — а от того, что прозвучало слишком искренне.

— Дэвид, у тебя что-то случилось?

— Нет. — Он помолчал. — Мне просто нравится с тобой говорить. Даже когда ты отвечаешь «лечись» таким тоном, будто я тебе должен денег.

Я закатила глаза.

— Ты хотел что-то сказать, или просто проверить, дышу ли я?

— И то, и другое. — Он снова помолчал. — Слушай, Джул. Есть планы на субботу?

Я поставила кружку на стойку.

— Нет.

— Тогда я забираю тебя. Будет вечеринка. Масштабная. Издательский мир, типографии, авторы.

— Дресс-код?

— Платье. Я пришлю.

— Я сама выберу.

— Сказал, пришлю, — повторил он мягко, но твёрдо. — Угмони свои таланты. Я знаю, что тебе идёт.

— Ты бы ещё цвет помады выбрал.

— Если надо — выберу.

Я фыркнула, но ничего не ответила. Он засмеялся — и в этом смехе было столько тепла, что мне стало не по себе.

— Будешь самой красивой, — добавил он.

— Дэвид, ты сегодня сентиментальный.

— А ты — нет, — парировал он. — Это я уже заметил.

Повисла пауза. Я смотрела в кружку с заваркой, он — молчал. И где-то на заднем плане послышался тихий голос — женский, почти неразборчивый. Она что-то сказала. Я не разобрала слов. Или сделала вид, что не разобрала.

— Ладно, — сказал он поспешно. — Не буду тебя держать. Чай стынет.

— Я его ещё не заварила, — ответила я.

— Ну так завари. И, Джул?

— Что?

— Не сиди допоздна за ноутбуком.

Он что, ясновидящий?

— Откуда ты

— Просто знаю, — перебил он мягко. — Всё. Отдыхай.

И повесил трубку.

Я смотрела на экран несколько секунд. Потом поставила кружку на стол и убрала её обратно в шкаф, высыпав заварку в мусорку. Чай я так и не заварила.

Я зевнула, выключила свет и пошла наверх. Нет, не спать, а сидеть допоздна за ноутбуком.

Рабочая неделя началась в бешеном темпе. Звонки, собрания, отчёты, совещания — и так по кругу. До кровати я добралась только в десятом часу. Уже почти засыпая, почувствовала вибрацию телефона под подушкой.

Увидев имя на экране, глаза распахнулись слишком резко для той, кто еле дожила до конца рабочего дня. *Томас Райт*.

Томас: «Привет. Тут узнал случайно: у жирафов такое же количество шейных позвонков, как у людей — семь. То есть они просто очень длинные люди. А теперь серьёзно: наша встреча завтра в силе?».

Я трижды перечитала, чтобы понять смысл написанного.

Джулия: «Добрый вечер, Томас. Да, завтра буду у тебя в 18:00, напиши адрес».

Томас: «Дом 1726 на Пайн-стрит, Бруклин».

Я набрала в карты. Частный дом в Бруклине. Неожиданно. Телефон завибрировал.

Томас: «Спокойной ночи, Джулия».

Джулия: «До встречи».

Я отложила телефон. Уже лёжа в темноте, я вдруг снова вспомнила жирафов. Семь позвонков. Длинные люди. Чёрт, это глупо. И смешно. Я закрыла глаза и провалилась в сон.

Томас

Последние три дня я чертовски плохо сплю. Из-за нервов. Звонок Маркуса практически довел меня до нервного срыва. Моя семья явно пытается мной манипулировать и взывать к давно убитой совести.

— Тебе что, вообще не жаль меня и отца? Если нет, пожалей хотя бы мать, которая не может спать без таблеток из-за твоей тупой гордости. Что, так сложно хоть раз в жизни согласиться с отцом и не разрушать всё, что даже и не ты построил? — Маркус практически ошип от собственного крика.

Дыши, Томас, ты должен быть спокоен. Что там нужно вспоминать? Огонь? Шум леса? Звуки океана?

— Алло, я со стеной разговариваю? Хотя да, всю жизнь ты именно таким и был. Свободный, лишённый всякой ответственности, перекладывая её на других. Удобно же тебе.

Сука, звуки океана мне явно сейчас не помогут. Я практически раздавил этот грёбаный телефон в своей руке.

— Маркус, не перегибай, моё терпение не бесконечно. — Я старался говорить между вздохами, чтобы не вскипеть. — Давай просто закроем эту тему, иначе я не знаю, на что способен мой язык.

— Видимо, только на то, чтобы отлизывать своим сучкам, больше он ни на что не годен. — Брат почти прошипел эту фразу в трубку и сбросил вызов.

Раз, два, три Телефон с громким звуком ударился о стену и отскочил от неё.

Руки обхватили голову, сердце стучало набатом, ярость застилала зрение. Я плохо соображал. В груди — огонь. В голове — пустота. Выверенным шагом я пересёк гостиную, зашёл на кухню, на ощупь нашёл бутылку виски и, не жалея, наполнил стакан. Глотнул, не чувствуя вкуса. Просто чтобы заткнуть этот голос в голове. Допил залпом. Зрение начало возвращаться.

Простояв немного у кухонного острова, я наконец вернулся в гостиную и поднял смартфон. Ого, не пострадал. Вот она, сила Китая. Чёрт, этот телефон переживёт даже меня. Я был всё ещё зол, но виски делал своё дело — стало значительно легче.

На часах было 10 вечера. Завтра куча дел, успеть бы всё. Ещё и встреча с Джулией у меня.

Чёрт, точно, Джулия. А она сама-то помнит обо мне? Что за глупые мысли, конечно, помнит, она же профессионал. А вдруг передумала? Покрутив телефон в руках, я открыл наш с ней чат и написал сообщение. Она ответила почти сразу — коротко, по-деловому, но я всё равно улыбнулся.

Убедившись, что встреча в силе, попрощался с ней и ещё немного посидел в гостиной, глядя в камин со стаканом в руке. Допив виски, отправился в спальню. Завтра трудный день. И, кажется, я его боюсь. Не работы. А того, что она скажет, когда войдёт в мою дверь.

Проснувшись в 8 утра, первым делом принял контрастный душ. После — тренировка в зале, завтрак на веранде какого-то модного кафе, где прежде, чем съесть своё блюдо, оно должно поучаствовать в фотосессии — по крайней мере, судя по девушкам за соседним столиком. Вернулся домой в районе 12 дня. До встречи с Джулией ещё целый день.

Ладно, приберусь. Через три часа вся гостиная и кухня сверкали. Теперь самый грязный в доме — это я. Приму-ка душ.

Пролежав бесцельно на диване, глядя в потолок и думая о том, что она может не прийти, решил: заказать ужин из ресторана — хорошая идея. Конечно, ужин только для меня. Да, я знаю, что это двойная порция, но я не маленький мальчик. С этой мыслью я и заказал 3 вида салатов, 4 горячих блюда и пару десертов. Главное — убедить самого себя, что делаю это не для неё и совсем не надеюсь, что Джулия согласится поужинать со мной.

Из раздумий меня вырвал дверной звонок. Подскочив, ринулся на всех порах к парадной и так резко распахнул дверь, что Джулия вздрогнула.

— Привет. — Её голос — мягкий, бархатный — по рукам пошли мурашки.

Я таращился на неё во все глаза. В офисе она была прекрасной розой с шипами — смотри, но не трогай. Сильная, вольная, самостоятельная. Но сейчас передо мной стояла настоящая Джулия — по крайней мере, мне так показалось. Спортивный серый костюм, белые кроссовки, высокий небрежный пучок. Ни тени напускного холода в глазах. Даже запах её духов — кедр с лёгкой пряностью — чувствовался иначе: мягче, уютнее как дом?

Я смотрел на неё — прекрасную, недостижимую, и не мог отвести взгляд.

— Томас? — Джулия кашлянула в кулак, и только тогда я заметил, что она смотрит на меня с лёгким смущением и улыбкой, которую пытается спрятать.

— Ох, прости. Привет, Джулия. Проходи.

Я отступил в сторону, пропуская её в дом. Она вошла, и я поймал себя на том, что смотрю на её спину, на то, как она переступает порог, и чувствую, как где-то внутри всё теплеет. Кажется, я попал.

Она вошла в гостиную, остановилась у дивана, огляделась чуть дольше, чем я ожидал. Я видел, как её взгляд пробежался по книгам, задержался на камине, на кресле, где лежат мои неубранные вещи после сушки. Мысленно поморщился от собственной тупости — забыл их убрать.

Джулия сжимала в руках рукопись, как щит.

— Уютно, — сказала она тихо.

— Спасибо. Чай или кофе? — я уже шёл на кухню. — И не говори «ничего», я всё равно что-нибудь принесу, только это будет уже на мой вкус.

— Чай. Зелёный, если есть.

— Есть. И печенье.

— Я не

— Я знаю. Печенье для меня. Просто у тебя будет выбор: посмотреть, как я ем, или присоединиться.

Она фыркнула. Я улыбнулся, не оборачиваясь.

Когда вернулся с подносом, она всё ещё стояла. Смотрела на диван, не решаясь сесть. Я поставил кружки на стол.

— Присаживайся, — сказал мягко и плюхнулся на диван, похлопывая по месту рядом с собой.

Джулия села. Я заметил, как она поправила олимпийку и взяла рукопись чуть дрожащими пальцами. О, так она тоже волновалась. Это открытие приятно согрело где-то в груди.

— Начнём с начала, — сказала редактор, не поднимая глаз, и в голосе послышалась попытка вернуть профессиональную дистанцию. — Первая глава. Переход между вторым и третьим абзацем резкий. Сбивает ритм.

Я записал.

— Дальше, — она перевернула страницу. — Здесь ты используешь три прилагательных подряд. Это перегружает. Оставь одно, самое сильное.

Снова записал. Она продолжала диктовать, и я едва успевал за ней. Джулия выдавала правку за правкой — чётко, профессионально, без лишних объяснений. Я строчил в блокноте, чувствуя, что она проверяет меня: успеваю ли, внимательно ли слушаю, не расслабляюсь ли.

— И здесь, — она постучала пальцем по странице, — диалог героя звучит фальшиво. Он говорит как человек, который всё уже решил. А должен — как тот, кто ещё сомневается.

Сделав пометки, поднял глаза.

— А если он знает, что решил? Если это его осознанный выбор?

— Тогда покажи это в действии, а не в словах. Сейчас он говорит правильно, но делает неправильно. Текст убеждает меня, что он говорит правду. А я должна чувствовать, что он врёт сам себе.

— Хорошо. Я перепишу.

Я почувствовал, как она смотрит на меня — оценивает, проверяет. Но не отводил взгляда от блокнота.

— Дальше, — сказал я.

Она снова начала диктовать. Я записывал, чувствуя, как она постепенно ускоряется, но оставляет мне темп, который могу держать.

— Стоп. Здесь я с тобой не согласен.

Она удивлённо подняла взгляд.

— Где именно?

— Вот здесь, — я указал на строку. — Ты предлагаешь сократить этот абзац в два раза. Убрать его размышления о прошлом и оставить только действие.

— Да. Это ускоряет темп. Читателю не нужно знать, как он страдал три года назад. Ему важно, что он делает сейчас.

— Но это объясняет его поступки, — я посмотрел на неё. — Без этого он просто поступает странно. А с этим — последовательно.

Она нахмурилась. Я видел, что она не согласна. Джулия молчала несколько секунд. Я видел, как она перечитывает абзац, как её глаза бегают по строкам.

— Ты хочешь оставить это, — сказала она.

— Да.

— Почему?

— Потому что без этого он не совершит поступок в конце главы. Он просто сделает что-то, а читатель не поймёт, почему. Я хочу, чтобы читатель чувствовал его боль, когда он делает выбор.

— Но это риск, — сказала она тихо. — Читатель может посчитать это нудным.

— Я готов рискнуть.

Она смотрела на меня долго. Потом опустила глаза, снова пробежалась по странице. Провела пальцем по строке. Я заметил, как она на секунду задержалась на одном из моих слов.

— Оставляем, — сказала она.

Я не поверил своим ушам.

— Что?

— Я сказала — оставляем. — Она подняла взгляд и улыбнулась. — Но я уберу два предложения в конце абзаца. Они лишние.

Я молчал. Скорее ждал, что она будет спорить, доказывать, настаивать, чем возьмет и согласится.

— Ты всегда так легко уступаешь? — спросил я.

— Я уступаю, когда аргументы сильнее моих, — она пожала плечами. — В этот раз — да.

— Я не ожидал.

— Почему?

— Ты не производишь впечатление человека, который идёт на уступки.

— Ты меня просто плохо знаешь — ответила Джулия, и я заметил, как уголки её губ чуть дрогнули, но она сразу опустила глаза в рукопись.

Осознание пронзило стрелой. Я действительно её не знаю. Но *хочу* узнать.

Она взяла ручку и что-то пометила на полях.

— Дальше?

— Дальше, — ответил я, чувствуя, что в груди становится теплее.

Мы продолжали работать. Она говорила, я записывал. Спорили, соглашались, снова спорили. И каждый раз, когда она уступала мне, я чувствовал, что становимся ближе.

В таком ритме мы провели пару часов. Тело затекло, я видел, что и Джулия всё больше начала ерзать рядом со мной. В этот момент в дверь позвонили. Доставка из ресторана — а я и забыл про неё.

Забрав у курьера блюда, я поставил их перед Джулией, старательно игнорируя его полный непонимания взгляд. Смущённо посмотрев на неё, спросил:

— Греческий, овощной или, быть может, цезарь? Есть стейк, паста, если ты, конечно, вообще голодна

— Греческий.

От удивления я выронил пластиковые приборы на журнальный стол.

— Надеюсь, под такой набор у тебя есть вино? — спросила Джулия, поднимая на меня взгляд. Без улыбки, но с вопросом. Мои брови ползли всё выше.

Да, я задал вопрос, но и не надеялся, что она согласится поужинать со мной.

— Что? Не смотри так. Я должна сделать вид, что не ощущаю этого чудесного запаха и просто уйти домой? Я вообще-то не ела с утра. — сказала она, пожав плечами, как будто это не имело значения.

Скорее всего, я выглядел смешно — беззвучно открывая и закрывая рот, как рыбка.

— Красное или белое? — это всё, что я смог ответить.

— Белое.

Как ураган, пронёсшийся недавно во Флориде, я метнулся до кухни и обратно, принеся вино и два бокала.

Через пять минут все блюда были распакованы, а вино налито. Джулия подняла свой бокал.

— Ну что, Томас Райт, за успешную первую встречу. Я считаю, что сегодня мы многое успели с тобой. Спасибо, что доверился мне и моему профессионализму.

Я улыбнулся, поднимая свой бокал.

— За дальнейшее достойное и плодотворное сотрудничество, Джулия Эванс. У меня глаз наметан на профессионалов.

Звон бокалов приятно согрел душу. Пусть этот звук ассоциируется с разбиванием о стену стереотипов. Больше никогда не буду составлять портрет людей, исходя из слухов, сплетен и СМИ.

Мы ужинали. Она ела греческий салат с таким аппетитом, будто действительно не прилагивалась к еде с утра. Я смотрел, как она отрезает кусочек хлеба, макает его в соус и улыбается, когда я рассказываю, как в прошлом году пытался приготовить пасту и чуть не сжёг кухню.

— Ты серьёзно? — она подняла бровь, жуя. — Ты не умеешь готовить пасту?

— Я умею заказывать, — парировал я. — Это тоже навык.

Она рассмеялась. И я поймал себя на том, что хочу слышать этот смех снова и снова.

— Как ты выживаешь?

— Пока — на ресторанах и маминых рецептах, которые я помню, но не воспроизвожу.

— Это удобно.

— Это трагично, — поправил я. — Я просто умею это скрывать.

Она улыбнулась, но ничего не сказала. Мы говорили о книгах, о странных привычках, о том, как она однажды перепутала время встречи и приехала на два часа раньше. Как ждала в кафе, читала книгу, и никто не пришёл.

— Это было грустно, — сказал я.

— Не велика потеря, — возразила она. — Я хотя бы дочитала ту книгу.

Мы смеялись. Вино делало своё дело — она говорила больше, улыбалась чаще, и я уже перестал замечать, где заканчивается работа и начинается что-то другое.

Когда ужин подошёл к концу, она посмотрела на часы.

— Поздно, — сказала она, потянувшись к телефону. — Мне завтра на работу.

— Я могу отвезти тебя.

— Не нужно, — она уже набирала сообщение. — За мной заедут.

Я не спросил, кто. Не имел права. Но внутри всё сжалось. Кто ждёт её там? Я не должен думать об этом.

— Хорошо, — сказал я. И сам не узнал свой голос — сухой, резкий, чужой.

Она подняла взгляд, задержалась на мне.

— Томас?

Я прочистил горло.

— Всё в порядке. Когда будет следующая встреча?

Она помолчала.

— В субботу у издательства мероприятие. Ты мог бы прийти.

— Я?

— Да. В будущем, когда твой шедевр выйдет в свет, тебе придётся посещать такие мероприятия постоянно. Так что лучше начать сейчас.

Я смотрел на неё, пытаясь понять, серьёзно она или проверяет меня.

— Ты хочешь, чтобы я пришёл?

— Я предлагаю тебе опыт, — улыбнулась она. — Адрес и всю информацию пришлю. Решай сам.

Она встала, подошла к двери. Я пошёл за ней.

— Спасибо за ужин, — сказала она, обернувшись. — И за компанию. Сегодня было необычно.

— В хорошем смысле?

Она улыбнулась и развернулась к двери.

Я протянул руку. Почти коснулся её плеча. Хотел остановить. Но отдернул руку вовремя. Она не заметила.

Я стоял в дверях, глядя, как она идёт к машине. Тёмный внедорожник, марку не разглядеть — слишком темно. Силуэт за рулём, но кто? Не моё дело. Не смотри, твою мать.

Она махнула мне на прощание. Я махнул в ответ. Закрыл дверь, прислонился к ней лбом и закрыл глаза. Что я делаю? Она редактор. Я писатель. Мы просто работаем. Я даже не должен думать о том, кто за ней приехал. Но думал.

Я думал о ней, о её смехе, глазах, улыбке. О том, как хотел, чтобы она осталась. Я прошёл в гостиную, сел на диван и уставился в пустоту. Чего ты хочешь, Томас Райт? Ответа не было. Только тишина. И запах её духов в моём доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.